И.А. Михайлов

Философская программа раннего Гуссерля. Метафизика, теория познания*

Эдмунд Гуссерль, известный созданием развернутой исследовательской программы под названием «феноменология», довольно редко – отчасти благодаря широкой известности, которую получила эта программа, – ассоциируется с метафизикой. Однако, по крайней мере на начальных этапах развития своей философии, он планирует дальнейшую исследовательскую деятельность именно в рамках «метафизики»; у него достаточно рано появляется собственная версия трансформации этой дисциплины. Со временем он увлекается выбранным планом исследований столь сильно, что спустя уже несколько лет само упоминание о метафизике практически пропадает из его текстов. Речь теперь все больше идет о «феноменологии», «строгой науке», несколько реже – о «философии», под которой, впрочем, понимается трансцендентальная феноменология.

Краткий период, в течение которого Гуссерль формулирует развернутую концепцию метафизики и ее соотношения с теорией познания и логикой, длится немногим более десятилетия (1895–1907). «Введение к лекции “Теория познания и основные моменты метафизики”» (1898–1899) дает наилучшее представление об исходной систематичности поисков Гуссерля, которую не всегда

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Концепции жизненного мира и стратегии постметафизического мышления в современной философии (Гуссерль, Витгенштейн, Хайдеггер, Хабермас)», проект № 05-03-033889а.

можно распознать за чрезвычайно подробными и детальными исследованиями самых разных частных вопросов. Сам Гуссерль, впрочем, из виду эту систематичность и взаимосвязанность никогда не терял.

Понятно, что первичное единство всем этим различным проблемам в 90-е гг. придает отнюдь не «феноменология», возможные масштабы которой Гуссерль начинает осознавать лишь к 1905–1906 гг. Не является ею и логика, как можно предположить на основании первой работы, принесшей Гуссерлю известность («Логические исследования»). Первоначальный горизонт единства всех этих проблем образует как раз понятие метафизики и то видение относящихся к ней проблем, которое имелось в то время у Гуссерля.

Каковы же эти проблемы? Сомнение в самой возможности метафизики, как отмечает Гуссерль, распространилось чрезвычайно широко, вне зависимости от того, как понимается соотношение между метафизикой и теорией познания, логикой, психологией (HuaDok II/3: 226–227 ff.). **Симптоматическим для Гуссерля является само по себе наличие разногласий по этим вопросам.** По его мнению, оно доказывает, что соответствующие группы проблем все еще находятся на довольно несовершенном уровне научной проработки. Гуссерль предлагает большую часть «неразрешимых» проблем, над которыми «столетиями работала метафизика», признать мнимыми: «...освободить прогресс познания от сдерживающих его мнимым проблем и теорий»¹. Наряду с этой критической задачей, позитивная часть программы заключается в «обнаружении и теоретическом решении проблем подлинных» (ibid.: 226); метафизика и философия поначалу используются в качестве синонимичных понятий.

И вот здесь-то мы впервые сталкиваемся с проблемой intersубъективности (которая, правда, пока этим именем не называется). Под «прогрессом познания» Гуссерль понимает при этом приближение философии к «идеалу единства»: философы перестанут говорить на разных языках (*aneinander vorbeiphilosophieren*) и будут стремиться к критическому диалогу, который, можно полагать, и установит общее видение и понимание по крайней мере ключевых проблем².

Альтернативные идеалы метафизики Гуссерля впоследствии приобретут форму разветвленной системы дисциплины – «феноменологии», однако критическая оценка современного ему состояния метафизики сохранится. В статье «Философия как строгая наука» (1911) претензии к метафизике (теперь: «философии») все те же; аргументация и затрагиваемые темы иногда почти дословно совпадают с этим более ранним текстом 1898 года³. Различие (кроме появления теории редукции) заключается прежде всего в остроте формулировок. Философия не просто «несовершенная» наука, но она даже еще «не начала» быть наукой, ибо ее догматическая система вообще отсутствует. Кроме того, если в 1898 г. максимум «разрешения проблем» еще вполне можно было понимать как разрешение *теоретических* проблем, то в 1911 г.⁴ эти усилия более отчетливо связываются с ролью философии в общей системе культуры. Именно «высшие интересы человеческой культуры» требуют построения строго научной философии, некорректное воплощение требования научности может в практическом плане означать «растущую опасность» для нашей культуры⁵.

Поскольку одной из проблем, которые Гуссерль обнаружил в современной ему метафизике, является неопределенность разграничения функций отдельных метафизических дисциплин (которые, впрочем, могут пониматься и как независимые, не связанные с нею науки), его дальнейшая задача состоит в переосмыслении каждой из этих областей. Намечаются два «магистральных» направления: логическое и теоретико-познавательное. Все исследования Гуссерль будет в дальнейшем вести, фиксируя внимание поочередно на двух этих областях, ни одной из них *поначалу* не отдавая явного приоритета.

В 1898 г. Гуссерль намеревается показать, что теория познания предшествует всем прочим научным дисциплинам, что именно она как философская наука служит для них основой. Почему же именно теория познания? Вопрос почти риторический. К тому времени в немецкой философии уже на протяжении нескольких десятилетий велась война против «метафизики», и неокантианцы (Наторп и др.) были первыми, кто способствовал укреплению этой тенденции. Параллельно в этом же направлении действовала группа исследователей, объединенная вокруг Р.Авенариуса, начавшего в 1877 г. многообещающий журнальный проект под на-

званием «Ежеквартальный журнал научной философии»⁶. Вполне в духе этой многоликой традиции действует и Гуссерль. Он также полагает, что метафизические вопросы, «которые в наше время поддаются по-настоящему научному разрешению», суть как раз те, что родственны теории познания. «Мы стали теперь более скромными, – добавляет он, – несмотря на тысячелетнюю историю, несмотря на гордый ряд метафизических систем от Платона и Аристотеля до Гегеля, мы ощущаем себя пока что новичками» (HuaDok II/3: 230). «**Метафизическую** систему Гуссерль строить не желает, его научная «скромность» смещает интерес прочь от метафизики. Впоследствии работа в теоретико-познавательной плоскости будет названа работой и теорией «снизу»⁷ и превратится в выявление и подробное рассмотрение «основных элементов» («основных разделов», как иногда называет их Гуссерль) теории познания: восприятия, памяти, внимания, сознания времени, фантазии и т. п. Этой работой Гуссерль займется после предварительных «Логических исследований», в 1904–1905 гг.»⁸

Однако то обстоятельство, что в дальнейшем Гуссерль понимает свою философскую работу как работу в области теории познания⁹, причем настолько в нее вовлекается, что вскоре перестает говорить о самой метафизике, никоим образом не должно затемнять того факта, что «[именно] *метафизические потребности* привели к конституированию теоретико-познавательных вопросов» (ibid.: 230; курсив мой. – И.М.). Это обстоятельство для Гуссерля настолько важно, что, прежде чем перейти к собственно теории познания, он занимается своего рода «оправданием» метафизики. Она неистребима как потребность «прийти к более глубоким выводам о нас самих, о мире и о сверхчувственном», которую не могут заглушить даже неудачные попытки. Если мы откажемся от этой потребности, то столкнемся, полагает Гуссерль, с суевериями разного рода, нередко ведущими к фанатичной нетерпимости (ibid.: 231)¹⁰.

Если же говорить о критиках метафизики, то «при более пристальном рассмотрении обнаруживается, что борьба против метафизики и большая часть звучащих в ее адрес критических высказываний основываются на том, что под этим именем создали для себя своего рода пугало». Однако метафизика «не исчерпывается системами Гегеля или Шеллинга», да и Кант нацеливал свою

критику на рациональную метафизику, аналитически выводящую свою систему из чистых понятий, по образцу вольфовской. Сама же метафизика и ее понятие вполне возможны и оправданны. Необходима – Гуссерль ссылается на Аристотеля, – «научная дисциплина, объектом исследования которой является *бытие вообще*, т. е. та, что исследует, что теоретически присуще сущему в целом <...> специальные дисциплины... исследующие бытие по частям, во всей их совокупности недостаточны для того, чтобы удовлетворить наш теоретический интерес... необходима еще дополнительная дисциплина...» (ibid.: 233–234; курсив мой. – И.М.). Причина, по которой Гуссерль предпочитает мириться с несовершенством метафизики и еще надеется на ее трансформацию, состоит в том, что именно она (вплоть до последних десятилетий XIX в. *только* она) представляет для него ту самую модель знания, на которую он неявно опирается и от которой ни за что не хочет отказаться: модель универсальной взаимосвязанности всего космоса знания.

Разумеется, со временем акценты будут постепенно меняться. Теорию познания, занятия которой поначалу были продиктованы интересами метафизики, Гуссерль метафизике противопоставит, отграничив «подлинные вопросы, принадлежащие к сущности теории познания изначальные вопросы – от неподлинных, психологических и метафизических» (ibid.: 75). Приведенные цитаты показывают, что начальная проблематизация задач метафизики Гуссерлем вполне традиционна и по способу своего выражения иногда удивительно совпадает с самой общей постановкой вопроса о бытии, от которой отталкивается и М.Хайдеггер (что объясняется, очевидно, влиянием Франца Brentano). В 1898 г. Гуссерлю представляется, что понятие бытия «до сих пор требует окончательного прояснения... Мир и всякая вещь в нем есть, – продолжает Гуссерль, – что же подразумевается под “бытием”?» (Ibid.: 247)¹¹.

Дополнительная дисциплина. Итак, высказывается предположение о необходимости «дополнительной» дисциплины. Однако ее построение не лишено опасностей, связанных как раз с терминами, в которых она формулируется. В противоположность искомой дополнительной дисциплине «частная наука» (например, физика, математика, биология) всегда ведет речь о какой-то *частной* области, определенном срезе действительности, не об «общем

бытии», а об ограниченной его области. Дополнительность метафизики могла бы заключаться в ее движении по индуктивному пути, она стала бы наукой об «общем бытии», «бытии вообще». Как отмечает в связи с этим Хайдеггер, философия (метафизика) превратилась бы тогда в несамостоятельное повторение открытого в частных науках, и отстоять ее необходимость (автономность) стало бы делом безнадежным¹².

Но и самому Гуссерлю индуктивный путь не представляется перспективным. Отмеченное выше смещение интересов с метафизики на теорию познания означает выбор конкретных проблем, которыми предстоит заниматься дополнительной науке. Если индуктивный, «обобщающий» путь бесперспективен, то, как заявляет Гуссерль в полемике с Риккертом¹³, *задача философии не заключается в познании бесконечного мира вещей [Риккерт Г. 1997]*. Риккерт анализировал методологическую роль понятия в решении естественно-научных задач, полагая, что познание должно отобразить в представлениях, а затем в актах суждений, само представленное, «высказать» мир «как он есть». Возникла, конечно, проблема экстенсивной и интенсивной бесконечности вещей. – Как возможно ее отображение в *одном* понятии, да еще в познавательной практике конечного человека? Риккерт предположил тогда, что в процессе познания экстенсивное и интенсивное многообразие вещей преодолевается благодаря *всеобщим представлениям*: значения слов позволяют нам как бы мгновенно вбирать в себя множественность наглядных образований (Hua XXII: 145). В таком преодолении и заключается, по Риккерт, логическая природа естественно-научного понятия (в его объеме преодолевается экстенсивное, а в содержании понятия – интенсивное многообразие).

Познание не заключается и не может заключаться в завершенных частных познаниях, отвечает на это Гуссерль. От знания, которое было бы содержательно всеохватывающим, следует отказаться, поскольку этот идеал в большинстве областей (например, в логике) реализовать невозможно. Сомнительны и допущения о неисчерпаемости мира, а также о якобы «согласованном» с ним человеческом духе, которые, очевидно, представляются Гуссерлю элементами тех самых «метафизических систем», построение которых кажется ему делом безнадежным. Но от этих метафизических допущений (посылок) мы вполне можем отвлечься, тогда

как познание всеобщего и его законов сохранит свою осмысленность, по-прежнему оставаясь «прекрасной целью теоретических устремлений». Понятийное познание освободится от обязательств постижения «неисчерпаемости мира» (ibid.: 146). Предлагается отвлечение от предпосылок, не-использование, или, как Гуссерль скажет позже, «вынесение их за скобки». Важность приведенной аргументации трудно переоценить. Впервые Гуссерль обдумывает возможность методической операции, позднее названной трансцендентально-феноменологическим *эпохе*: «...относительно догматического содержания любой уже существующей философии, станем воздерживаться от суждения, и все наши подтверждения будем проводить в рамках такого воздержания» (Hua III/1, § 18, 39–40 / [Гуссерль 1999: 51]). Другим обозначением для эмпирической неисчерпаемости вещей является «содержательное “Что”» – оно как раз и предполагало бы построение индуктивной, поверхностно обобщающей (а потому в конечном счете бесполезной) дисциплины. Удобной альтернативой оказывается методологическое «Как» теории познания: подобная дисциплина будет исходить уже не из *предмета* познания, а из *познания* предмета. Задача «дополнительной» дисциплины конкретизируется следующим образом: «...ее объектом являются определенные *принципы*, общие всем этим наукам, которые как раз в силу их общности ни в одной из дисциплин специально не исследуются» (HuaDok II/3: 234; курсив мой. – И.М.).

Прежде чем перейти к обсуждению общих принципов, необходимо еще одно отступление. Действительно ли «дополнительная» дисциплина необходима? «Оправдание метафизики», которым занимается в 1898 г. Гуссерль, должно не только показать, что не так уж она плоха, как ее изображают и любят видеть позитивисты. Важно доказать и то, что система научного знания *действительно нуждается* в такой дисциплине. Наука начинает с огромного множества непроверенных и не согласованных между собой убеждений, лишь в ходе исследования отбрасывая или модифицируя некоторые из них и приходя к большей ясности и теоретической плодотворности. Однако модификации подвергаются лишь те убеждения, что непосредственно лежат на «пути ее интереса» (ibid.: 235). Вообще, задача любой частной науки – дать ориентиры в мире опыта (ibid.: 241). Эмпирические объекты расчленяются,

описываются, классифицируются самым точным образом; исследуются закономерности их сосуществования и последовательности. Ставится задача – отразить вещь «абсолютно»: элементы, из которых она состоит, ее поведение в тех-то и тех-то условиях. Подобной позиции все-таки присуща определенная наивность¹⁴. Сущностное в конечном метафизическом смысле лежит целиком за пределами интересов ученого. Он пытается построить гипотетический тип представления, на основании которого он смог бы получить аналогический «образ» (*Bild*) **законосообразных процессов**. Сам же этот метод есть вспомогательное средство фантазии (так, например, при объяснении электричества физик может оперировать образом, гипотетическим представлением невидимого электрического флюида и т. д.). Но это не позволяет естествоиспытателю дать ответ на многие существенные вопросы, во многом определяющие ход и результаты его исследований. Уже упоминался вопрос о возможности познания бесконечности (вещей) конечным (человеком) в едином (понятии). Далее: откуда берется и на чем основывается уверенность исследователя, что отображаемый в его сознании мир имеет значение не только для него самого, но и, к примеру, также и для его коллег?¹⁵ Благодаря чему мы вообще обладаем ощущением времени? Разобраться со всеми этими проблемами и призвана метафизика, беря на себя груз задач, неразрешимых в рамках локального исследования. Впрочем, такая связь не является односторонней, чем-то вроде «милости» со стороны метафизики по отношению к частным наукам, ведь предполагается, что сами «фундаментальные идеи должны быть способны к адекватной реализации» (*ibid.*: 70)¹⁶.

Общие принципы научного знания. Мы помним, что решить все эти задачи метафизика может, поскольку ее объектом являются определенные *принципы*, общие всем наукам. В чем же конкретно они заключаются? Во-первых, описание «естественности» восприятия мира и его объектов ученым, работающим в конкретной науке, завершается тезисом: «...все науки полагают мир, т. е. многообразие вещей, субстанциально сходных или различных» (*ibid.*: 246). Но что такое «мир»? Благодаря чему мы воспринимаем не разрозненную множественность вещей, а целостное единство? Ответ на этот вопрос потребует немало предварительных ступеней исследования. Метод, который избирает Гуссерль, идет, так

сказать, в обход предложенной Риккертом модели понимания мира посредством понятий. Он предпочтет исследовать это формирование мира на некоем уровне, который условно можно назвать до-понятийным. Изучая механизмы функционирования восприятия и временного сознания, он покажет начальные формы, в которых в нашем сознании возникает некоторая «определенность» (например звук (Ton), только что «удержанный» сознанием), и как затем, при сотрудничестве других актов (воспоминания), постепенно образуется еще более определенное «нечто»: например, мелодия как таковая. Этот эксперимент подчеркнуто до-понятийен (откуда берется сама философская понятийность, Гуссерль намеревается показать после раскрытия всех этих механизмов сознания¹⁷) и впоследствии поможет отказаться от использования традиционной философской терминологии как «непрозрачной», «не проясненной в своих истоках».

Далее, эти «высшие принципы познания» суть «общие предпосылки всех наук: что истина существует, что мы способны эту истину познавать; что внутренний и внешний опыт, воспоминание и ожидание, далее, умозаключение, индукция, основывающаяся на принципах вероятности, дедукция на основании формул чистой математики и, в первую очередь, формальной логики, подходят для того, чтобы помочь нам в познании. Это – понятное само собой предположение всех опытных наук: что определенное протекание субъективных познавательных переживаний, обозначаемых как правильные, может претендовать на нечто большее, нежели субъективное только значение, что логическое мышление обладает не только формальной, но и реальной значимостью» (ibid.: 246–247). В 1900 г. Гуссерль рассуждает на эту тему более подробно, обнаруживаемые им общие для всех наук принципы суть в первую очередь совокупность методов обоснования, само обоснование как феномен (**Einheit des Begründungszusammenhangs**). Она имеет устойчивую неизменную структуру: мы не можем соединять различные тезисы в произвольном порядке. Ее форма неизменно воспроизводится во всех наших рассуждениях, выказывая «однородную внутреннюю конституцию», проявляющуюся, например, в форме умозаключения. В результате способы умозаключения можно постичь в их «чистом» виде, так, что они «будут свободны от всякого необходимого отношения к конкретно ограниченной об-

ласти познания» (Hua XVIII: 30–34). Помимо этого, существуют такие общие элементы, которые сами принципами не являются: понятия «вещь» и «свойство», «причина» и «действие», «сила» и «материал», «бытие» и «видимость», «единство» и «множество», «пространство» и «время», – они также не могут быть адекватно осмыслены в частных науках, а ведь от этого в значительной мере зависит содержание полученного с их помощью знания (HuaDok II/3: 251–252). Наконец, такого рода инвариантом, природа которого в частных науках не рассматривается, является *истина* (ibid.: 253 f.; Hua XVIII: §§ 38–39, S. 136–158).

Таким образом, уже в ранних работах Гуссерля дана взаимосвязанная система элементов, которая не только будет в точности соответствовать *плану* его исследований, предпринятых в 1899–1905 гг., но и наметит темы работ 1913–1930-х гг. (интерсубъективность, солипсизм). Начало положено в «Логических исследованиях» обсуждением взаимосвязи обоснования и проблемы истины и анализом конкретных проблем чистой логики¹⁸. В первые год-два после выхода «Логических исследований» Гуссерль в лекциях для студентов занимается преимущественно пропедевтическим изложением все того же материала; на последующие годы он намечает «оставшееся». «Начал я, – добавляет он, – с того, что казалось в данной ситуации необходимым: с феноменологии восприятия. Особой подробности требует прежде всего исследование фантастических представлений и времени»¹⁹. Обратим внимание на эту формулировку: «с того, что *казалось* необходимым». никоим образом не умаляя революционности вклада Гуссерля в современную философию, необходимо все-таки учесть, что философский проект, начатый некогда как реанимация метафизики, *вынужден* использовать сложившиеся не без влияния метафизики схемы. В области теории познания это означает, например, принятие в расчет неразрывной связи восприятия и *памяти* (на языке Гуссерля: «временного сознания»). К началу XX в. эта идея уже давно стала общим местом исследований не только экспериментальных психологов, но и логиков. Необходимо показать связь сознания времени и *фантазии*²⁰. Практически весь в целом каркас тем, намечаемых Гуссерлем в качестве плана в 1898 г., – лишь отчасти его собственное изобретение, а по большому счету определен предшествующей традицией: работами К.Штумпфа о памяти, Ф.Брентано о сознании, времени

и фантазии, А. Мейнонга о предметах высшего порядка и времени и проблеме научности философии; Б. Больцано о науке и положениях «самих по себе» (экспликация всех этих взаимосвязей есть, разумеется, отдельная задача). Достаточно традиционен Гуссерль и в более всеобщих оппозициях, в которых пребывает его мысль. Такова, например, оппозиция «внутреннего» и «внешнего» восприятия, вместе с присущим ей картезианским приоритетом восприятия внутреннего, проходящая через все труды Гуссерля от «Философии арифметики» (1891) до «Идей»²¹.

С этой точки зрения (декларации о намерениях 1898 года) в философском развитии Гуссерля просматривается логическая последовательность, в нем, по сути, практически не обнаруживается ничего неожиданного или, точнее, принципиально непредсказуемого – как, например, «неожиданность» трансцендентального поворота, осуществленного Гуссерлем в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии»²².

Таким образом, может показаться, будто ни в 1898 г., ни, тем более, после проделанной в «Логических исследованиях» работы, дальнейший путь не предполагает никаких неопределенностей. Однако конкретизация плана – далеко не решенное дело. Для того, чтобы выйти на новую проблематику – «выйти за пределы области идей *Логических исследований*», как выражается сам Гуссерль, – необходимы значительные усилия, определение нового круга проблем дается не без труда. В апреле 1904 г. Гуссерль начинает читать цикл лекций «Основные разделы дескриптивной психологии познания». К тому же времени, как он потом вспоминает, относятся попытки скорректировать «недостаточное изложение отношений между ... простыми и фундированными созерцаниями <=образно-символическими>, которое я дал в своих *Логических исследованиях...*» (HuaDok I: 80). К осени 1904 года, т. е. к началу очередного семестра, план дальнейших исследований складывается окончательно:

I-я часть: «О восприятии» (F I 9/1a, 3–4) (теперь: Hua XXXVIII: 3–67); II-я часть: «О внимании» (A VI 8 I/27a) (теперь: Hua XXXVIII: 68–122); III-я часть: «Фантазия и образное сознание» (F I 8/1–3) (теперь: Hua XXIII); IV-я часть: «Феноменология внутреннего сознания времени» (F I 6/1a) (теперь: Hua X / [Гуссерль Э. 1994]). Судьба результатов исследований в этих об-

ластях различна. Четвертая часть, феноменология внутреннего сознания времени, была опубликована первой и оказалась наименее подготовленной из всех прижизненных публикаций Гуссерля.

Пожалуй, если говорить об определенной последовательности развития Гуссерля, то единственным «непредсказуемым» результатом был эффект открытия «тайны» абсолютной субъективности (это произошло в «Лекциях к феноменологии сознания-времени», ср.: Ниа X, §§ 35–39, S. 73–83). Именно после этого, т. е. после обоснования в анализах времени, уже ко второму изданию «Логических исследований» (1912 г.), Гуссерль «научился» находить тот единый полюс актов чистого Я, непонятный для него в 1901 г.

Сегодня, когда сама феноменология (в том числе в ее гуссерлианской версии) превратилась в загадочное и для многих непонятное образование, крайне важно указать на совершенно традиционное начало философского проекта Гуссерля. Как и многие современники, он озабочен новым обоснованием философии, под которой тогда еще склонен понимать в основном метафизику. Впоследствии это конвенциональное начало Гуссерля становится все менее различимым. Первая, хотя и далеко не главная причина заключается в том, что результаты исследований в *первой* из областей – те, что предложены в обоих томах «Логических исследований», – привлекли внимание прежде всего к Гуссерлю как логике, тогда как сам он уже спустя два года занялся *второй* частью своего фундаментального проекта нового обоснования метафизики – исследованием основ теории познания. Однако разработка *логики* затмила все прочие темы, которые в самой работе были даны лишь в виде кратких указаний и ремарок (время, восприятие, суждение и т. п.).

Кроме того, общий контекст рассуждений Гуссерля становится прозрачным лишь с постепенной публикацией его трудов. Прижизненное же восприятие работ во многом определялось проблемой, на которую в свое время сетовал Р.Ингарден: «Мне кажется, что Вы, дорогой учитель, недооцениваете тот факт, что остаются неопубликованными как раз Ваши *конкретные* исследования последних двадцати лет. И мы не можем следовать за Вами, поскольку Вы открываете лишь последние *результаты* этих исследований, а не их подробности. Это касается в особенности Вашей

“Формальной и трансцендентальной логики”. Внушительная разработка проблематики, однако о конкретных исследованиях, отдельных анализах она сообщает лишь самое необходимое, без чего сама проблематика не была бы понятна. Тому, кто, подобно мне, долгие годы жил в мире Ваших идей, – тому этих отдельных указаний будет достаточно, чтобы постичь смысл проблематики. Однако людям более далеким эта работа доставит колоссальные трудности. Необходимо достаточно хорошо разбираться в феноменологии, иметь за плечами успехи в собственной работе, чтобы постичь целое [Вашей работы]. В ней недостает конкретных разъяснений»²³. Конкретные разъяснения, о которых говорит Ингарден, – это в том числе те самые работы по теории восприятия, фантазии и времени, которые столь долго дожидались своей публикации.

Выше мы обозначили систему основных теоретико-познавательных вопросов, перечисляемых Гуссерлем, в качестве плана его последующих вопросов. Есть объяснение и тому, что первые его усилия были направлены именно на критику психологизма, и почему именно феноменологический анализ проблемы значения открывает II-й том «Логических исследований» (Hua XIX). Для Гуссерля «единство науки с объективной точки зрения есть *единство значения*. *Вся наука насквозь построена из одного и того же идеального материала – из материала, который мы называем значениями*. Этим объясняется важная роль, которую я отвожу полнейшей четкости выработки идеи значения» (HuaDok II/2: 61; курсив мой. – И.М.; ср. также: Hua XVIII).

Отталкиваясь от логики, за дело берется теория познания. Она как феноменологический анализ познавательных актов должна получать ориентир от различных категорий мыслительных форм, разведенных в чистой логике, следовать «различным чистым родам мыслительных содержаний» (HuaDok II/3: 76; вопрос о том, не оказываются ли уже сами эти роды, их перечисление и предварительная систематизация предпосылочными, доставшимися из традиции, пусть и логической, Гуссерлем не обсуждается). Далее, каждой мыслительной форме (понятой как форма *логическая*) соответствует возможная форма *познания*. Относительно каждой из форм возникают вопросы: как она реализуется? в чем ее «субъективность»? (ведь реализуется она в мысли конкретного исследователя); и как при этом мы можем говорить о ее *познавательной*

функции (т. е. о ее «объективности», «общезначимости»)? какие типы актов и моменты актов эту реализацию опосредуют или, иначе, проясняя, делают ее понятной? (Ibid.: 76) Поскольку ранний проект реформ в философии предполагает работу в двух главных областях – логики и теории познания – Гуссерль постоянно подчеркивает связи между ними: каждой (логической) форме соответствует возможная форма познания. Логической форме понятия – понятийное представление... высказыванию как логической форме – акты вынесения суждения (ibid.: 76–77).

Какие выводы можно сделать на основании проведенного анализа? Исходные философские интересы Гуссерля направлены на фундаментальное обоснование знания (это обстоятельство позволит нам впоследствии характеризовать его проект как принадлежащий более широкой традиции фундаментальной философии). В рамках этой программы Гуссерль уже в 90-х гг. XIX в. следует тенденции понимать такое новое обоснование как преимущественно *теоретико-познавательное*. Ориентируясь на теоретико-познавательное решение проблемы, он естественным образом перенимает также и *структуру* теоретико-познавательных вопросов того времени; в первую очередь она выражается в самом наборе основных тем: восприятие – фантазия и образное сознание – время. (С этим обстоятельством впоследствии будет связана как сила, так и ограниченность решения Гуссерлем проблем более высокого уровня. Как при решении вопроса о субъективности другого человека, так и при анализе жизненного мира он будет опираться на один и тот же базовый инструментарий этих низших интеллективных актов.) Однако при общей *теоретико-познавательной* ориентации гуссерлевского проекта нового обоснования знания, первоначальное систематическое единство ему придает идея *метафизики*. Этот факт позволит нам в дальнейшем рассматривать и этап зрелой философии Гуссерля – называемой им трансцендентальной феноменологией – как *инвариант метафизики*). В раннем философском проекте Гуссерля могут быть найдены праформы всех проблем, которыми он займется впоследствии: интересубъективности, редукции, региональных онтологий, идеи потока сознания и т. п. (если эта гипотеза верна, то вполне может обнаружиться, что принятое в историко-философских исследованиях деление на трансцендентальную и до-трансцендентальную фазу *еще более условно*, нежели принято считать). Идея обоснова-

ния как такового – а вместе с тем и проект так называемой «дополнительной науки» – имеет самое прямое отношение к степени радикальности, с которой впоследствии будут провозглашены принципы трансцендентальной феноменологии.

Дополнительно следует отметить некоторые проблемные аспекты, которые в рамках данной статьи не могли найти адекватного освещения, но которые *связаны* с проектом реформ метафизики версии 1898 года: а) *Необходимость* формулировки программы реформ в метафизике (ее Гуссерль в 90-х гг. обсуждает не очень подробно) является для философа делом вполне естественным: она подготовлена и обоснована для него в трудах его учителя Фр.Брентано (1860–1870-е гг.) и К.Штумпфа (1907), исходивших из состояния кризиса, в котором оказалась философия (метафизика). Сам же Гуссерль обратится к идее «кризиса» много позже – в 1911 г., в статье «Философия как строгая наука». б) В полной мере осознав этот кризис, он начнет значительно более активно ссылаться также и на идеал *строгости* и *научности* (до Гуссерля этот принцип значительно энергичнее рекламировали Авенариус, Брентано и Мейнонг). в) Гуссерль всецело понимает серьезность выдвигаемых им задач, а потому уже в 1980-х гг. ведет разработку теории универсального опыта, который соответствовал бы радикальности его философской программы, параллельно с детализацией своего общеполитического плана. г) *Как только* идея такого опыта вполне созреет и будет апробирована в его лекционных исследованиях, у Гуссерля появится возможность сменить «вывеску», обозначающую его философскую программу; с тех пор не особенно удачное и к тому же критикуемое со всех сторон обозначение «метафизика» практически исчезает из его словаря, заменяясь «феноменологией». д) То, что было обозначено нами как совмещение «теоретико-познавательного» и «метафизического» у раннего Гуссерля, пройдет через все философское творчество Гуссерля, образуя примечательное напряжение между *анти-системным* пафосом его философии (акцент на феноменологию как «*работу*», «*исследование*») и фактической *системой*, в которую превращается весь корпус его сочинений.

Сопоставление ранних тезисов философской программы Гуссерля с идеями более поздних работ продиктовано отнюдь не желанием «осовременить» Гуссерля или «подтянуть» его до бо-

лее зрелых формулировок, а стремлением показать взаимосвязанность его исследовательских усилий на разных этапах развития. Полагаю, что этот подход, а также некоторые конкретные выводы, сделанные в его рамках, помогут более адекватно обозначить место феноменологии среди других интеллектуальных течений современности.

Примечания

- ¹ Эти установки раннего Гуссерля, возможно, разъясняют, почему философские идеи его «до-трансцендентального» периода оказались настолько привлекательными для последующего позитивизма. Философия «не решает проблем» (a); философия не достигла необходимой степени унификации языка (b) – таковы главные аргументы не только для *реформирования* метафизики (философии), но также и для возможного *отказа* от нее.
- ² Как можно судить по краткому отклику Гуссерля на работы А.Марти. См.: Hua XXII: 136. Природа метафизики (философии) определяется для Гуссерля именно решением проблем. Ссылаясь на мнение Канта о невозможности научиться философии («Критика чистого разума», А 838/B 866), он предлагает слушателям не рецептивно воспринимать догматически подготовленный материал, а «в свободной критике» столкнуться с «глубочайшими проблемами человеческого познания и в самостоятельном мышлении выработать их решения» (HuaDok II/3: 227).
- ³ Например, ссылка на Канта о невозможности «научиться» философии. Ср. HuaDok II/3: 227, а также в статье «Философия как строгая наука» (1911) (Hua XXV: 3–62 / Гуссерль 2005: 185–240).
- ⁴ Не исключено, что это происходит много ранее, еще в 1905–1907 гг., в разработке Гуссерлем теории суждения (ср.: HuaDok II/5).
- ⁵ В статье «Философия как строгая наука» (*Logos*. 1911. Bd. 1. S. 293). Затронутые в этой публикации проблемы продолжает серия статей, написанных Гуссерлем для японского журнала «Kaizo» (более известны как «Статьи об обновлении»), см.: Гуссерль 1998; значительно более известен «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (Hua VI). К этой группе сочинений примыкают два лекционных курса, посвященных «теории» этики, лекции по этике 20-х гг.: Hua XXXVII, а также более ранние этические работы (Hua XXVIII).
- ⁶ *Avenarius R.* (1877–1900); *Barth P.* (1901–1916). Обозначение **Neue Folge** по-является лишь начиная с 26-го тома этого журнального проекта. Тогда же Пауль Барт, уже второй год выступающий в качестве главного редактора издания, открывает журнал кратким материалом, обозначающим смену научных ориентиров издания с «только лишь» научной философии на социологию. К названию журнала добавляется, соответственно, указание на эту новую науку. В историко-философских исследованиях уже отмечалось, что более

- поздняя концепция жизненного мира появляется у Гуссерля не без влияния Р.Авенариуса, ср.: [Sommer M. 1985]. Однако для основной темы данной статьи не менее важно следующее. Издание Авенариуса – достаточно уважаемое и влиятельное в те годы. Гуссерль не только не мог быть с ним не знаком (равно как и с призывами к «строгой науке», постоянно звучавшими с его страниц), но сам опубликовал там два небольших материала: [Husserl E. 1891], а также ответ на критический отклик А.Г.Фойгта [Husserl E. 1893]. Чтобы не провоцировать гуссерлевского оппонента на затяжную и непродуктивную дискуссию, Авенариус вычеркнул несколько особенно полемичных строк из ответа Гуссерля. Общение по поводу этих двух материалов документировано письмами Авенариуса Гуссерлю от 4 февраля 1891 г. и 2 августа 1893 г. (HuaDok III/8: 287–289); ответные письма Гуссерля, судя по всему, не сохранились.
- 7 Впервые этот принцип формулируется в «Докладе о немецких работах по логике 1894 года», см.: Нua XXII: 124–258, в частности: Нua XXII: 147.
- 8 Тема отдельного исследования; общую характеристику этой программы см. в: [Мотрошилова Н.В. 2000].
- 9 В отечественных исследованиях уже отмечалось, что «центральной в философии Гуссерля на всех этапах его творчества была проблема обоснования теории познания» [Громов Р. 2002], по материалам публикации: [Süßbauer A. 1995]. Заостренная формулировка этой позиции предлагает понимать феноменологию («дисциплину, изучающую структуру актов сознания») лишь как часть более общего исследовательского проекта.
- 10 Здесь Гуссерль сочувственно цитирует Бенеке [Benecke F. 1840: 2 f.].
- 11 Ср. у [Хайдеггер М. 1997: 1–9 (Эпиграф, § 1 слл.)] и статья «Мой путь в феноменологию» [Хайдеггер М. 1996].
- 12 HeiGA 56–57: 26 ff. Подробнее изложение этой темы см. в: [Михайлов И.А. 1999: 104–107].
- 13 В рецензиях на немецкие работы по логике 1894 г. См. Нua XXII: 145–147; сама работа Риккерта публикуется опять-таки в журнальном проекте Авенариуса [Rickert H. 1894].
- 14 В «Идеях I»: «естественная установка»; ср.: Нua III, § 18 сл.
- 15 Здесь мы снова имеем дело с одним из уровней проблематики *интерсубъективности*.
- 16 В самой этой идее – что фундаментальные принципы должны *быть способны* к своей экспликации – содержится исток более поздней плодотворной идеи последующей феноменологии. Она заключается в том, что прозрение есть нечто без его экспликации (Ausweisung).
- 17 В этом смысле характерна *последовательность*, в какой Гуссерль планирует свои штудии (см. далее в тексте): проблема суждения следует *после* проведенных исследований восприятия, фантазии и времени.
- 18 Соответственно, том 1 и 2 «Логических исследований».
- 19 Из письма Гуссерля Дауберту от 17.XI.1904 (HuaDok I: 84).
- 20 Наиболее известен тот факт, что Гуссерль разрабатывает эту проблему, находясь под значительным влиянием Фр.Брентано. Отдельного изучения, впрочем, заслуживает рассмотрение того, в какой мере Гуссерль, следуя за

- схоластом Brentano, реанимирует докантовские еще позиции в отношении теоретико-познавательной ценности фантазии и образного сознания. Ср., в частности: [Baumgarten A.G. 1983: 29 f (§ 557 f.)].
- 21 Hua XII: 24, 42, 58 f, 63, 66, 73 f, 91, 150. В «Идеях» см. особ. § 42, где проблема излагается в терминах различия между «бытием сознания» и «бытием реальности»; обнаруживается, что, поскольку вещь представлена всегда в модусе не-адекватности (§ 44, S. 100), т. е. может быть дана лишь односторонне, неполно, не-всцело (в явлении вещи можно вычленить некое ядро того, что собственно явлено, т. е. дано в восприятии адекватно, в адекватной очевидности, а также того, что дано в модусе неявной со-данности, большей или меньшей неопределенности), тогда как переживание – всегда в восприятии, в простом видении, усмотрении чего-либо (а восприятие характеризуется как самоданность объекта), то в восприятии дано (переживание как) абсолютное (Hua III, S. 101). Это рассуждение завершается общим выводом: имманентное – несомненно, трансцендентное (т. е. внешнее) – недостоверно (Hua III, § 46, S. 106). – Впрочем, данная оппозиция характерна не только для феноменологической философии.
- 22 Обсуждение этого вопроса см. [Мотрошилова Н.В. 2003].
- 23 В письме Гуссерлю от 18.XII.1929 (HuaDok III/3).

Литература

Ссылки на труды Гуссерля даются по немецкому собранию сочинений: Husserliana. Edmund Husserls *Gesammelte Werke*. Dordrecht: Kluwer; Springer и указываются в тексте согласно международно принятому сокращению (Hua), с указанием тома римскими цифрами и арабскими – страниц. Из этой основной линии в статье имеются ссылки на следующие тома:

III/1: *Ideen zur einer reinen Phänomenologie und einer phänomenologischen Philosophie*. Erstes Buch; VI: *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie*. Eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie / Hg. v. W.Biemel. 1954; X: *Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins (1893–1917)* / Hg. v. R.Boehm, 1966; XVIII: *Logische Untersuchungen*. Erster Band. Prolegomena zur reinen Logik (1900). The Hague, 1975. XXII: *Aufsätze und Rezensionen (1890–1910)*. The Hague, 1979; XXIII: *Phantasie, Bildbewußtsein, Erinnerung*. Zur Phänomenologie der anschaulichen Vergegenwärtigungen. Texte aus dem Nachlaß (1898–1925) / Hg. v. E.Marbach. 1980; XXV: *Aufsätze und Vorträge (1911–1921)* / Hg. v. Th.Nenon, H.-R. Sepp. 1986; XXVIII: *Vorlesungen über Ethik und Wertlehre (1908–1914)*. Dordrecht, 1988; XXXVII: *Einleitung in die Ethik*. Vorlesungen Sommersemester 1920 und 1924. Dordrecht, 2004; XXXVIII: *Wahrnehmung und Aufmerksamkeit*. Texte aus dem Nachlass (1893–1912). 2004.

Одну из отдельных линий в рамках Гуссерлианы составляют т.н. «документы» и «материалы»: Husserliana. Materialienbände. Dordrecht, 2001 – (Цитируется как HuaDok).

Во втором подразделе (т. н. *Materialienbände*) печатаются рукописи Гуссерля, от прочих публикаций его текстов (Hua) тома отличаются лишь *способом* публикации, а именно сознательным отказом издателей от составления «критического аппарата» (данное решение было принято в целях максимально скорой публикации обширного наследия Эдмунда Гуссерля). От первого и второго разделов – тем, что здесь представлены только гуссерлевские тексты (тогда как в других случаях речь может идти об *обработке* манускриптов Гуссерля, в результате чего текст приобретает особый статус «коллективного авторства»).

Из публикаций этой линии в статье цитируются следующие работы:

HuaDok I: Schuhmann, Karl. Husserl-Chronik. Denk- und Lebensweg Edmund Husserls. Den Haag: Nijhoff, 1977; HuaDok II/1: Logik. Vorlesung 1896. Dordrecht, 2001; HuaDok II/2: Logik. Vorlesung 1902–03. Dordrecht, 2001; HuaDok II/3: Allgemeine Erkenntnistheorie. Vorlesung 1902/03. Dordrecht, 2001; HuaDok II/4: Natur und Geist (Vorlesung 1918/19); HuaDok II/5: Urteilstheorie. Dordrecht, 2002; HuaDok III: Briefwechsel. Dordrecht, 1993. HuaDok III/3: Die Göttinger Schule; HuaDok III/8: Institutionelle Schreiben.

Работы (и переводы), вышедшие за рамками собрания сочинений, цитируются с указанием года публикации:

Husserl E. (1891). Der Folgerungskalkül und die Inhaltslogik // Avenarius R. (1877–1900, Hg.). Bd. 15. S. 168–189 (=Hua XXII: 87–91).

Husserl E. (1893). Antwort auf die vorstehende «Erwiderung» des Herrn Voigt // Avenarius R. (1877–1900, Hg.). Bd. 17. S. 508–511.

Гуссерль Э. (1999). Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1 / Пер. с нем. А.В.Михайлова. М., 1999.

Гуссерль Э. (1998). «Статьи об обновлении» // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 109–135.

Гуссерль Э. (1994) Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени / Пер. с нем. и предисл. В.И.Молчанова. М., 1994.

Гуссерль Э. (2005). Избранные работы. М., 2005.

Труды Хайдеггера цитируются также по собранию сочинений: *Heidegger M. Gesamtausgabe*. Frankfurt a.M.: Klostermann, 1975 – (**HeiGA**), в том числе тома: 56–57: Die Idee der Philosophie und das Weltanschauungsproblem. 1995.

Хайдеггер М. (1996). Мой путь в феноменологию // Логос. № 6.

Хайдеггер М. (1997). Бытие и время. М., 1997.

Другие источники:

Avenarius R. (1877–1900, Hg.). **Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie**. 1877–1900. Bd-e. 1–24. Hrsg.v. R.Avenarius, unter Mitwirkung v. M.Heinze u. W.Wundt. Leipzig: Fues.s Verlag (R.Reisland). (См. также: Barth P. (1901, Hg.).)

Baumgarten A.G. (1983). **Metaphysica**. 3. Teil: Die Psychologie // **Texte zur Grundlegung der Ästhetik** (lat.-dt.). Übers.u. hrsg. v. R.Schweizer. Hamburg, 1983.

Benecke F.E. (1840). System der Metaphysik und Religionsphilosophie aus dem natürlichen Grundverhältnissen des menschlichen Geistes abgeleitet. B., 1840.

Barth P. (1901–1916). Vierteljahresschrift für wissenschaftliche Philosophie und Soziologie. Bd-e 25–40. (Neue Folge). Hrsg.v. P.Barth, in Verbindung mit E.Mach u. A.Riehl, gegründet v. R.Avenarius.

Rickert H. (1894). *Zur Theorie der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung* // Avenarius R. (1877–1900, Hg.). Bd. 18. S. 277–319.

Schuhmann K. (1977). *Husserl-Chronik*. Den Haag, 1977.

Sommer M. (1985). *Husserl und der Frühe Positivismus*. Frankfurt a.M., 1985.

Süßbauer A. (1995). *Intentionalität, Sachverhalt, Noema*. München, 1995.

Громов Р.А. (2002). *Сознание и его части. Мереологическая модель исследования в психологии Ф.Бrentано* // Логос. 2002. № 1.

Михайлов И.А. (1999). *Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни*. М., 1999.

Мотрошилова Н.В. (2000). *Учение Гуссерля о вещи, восприятии, пространстве* // Историко-философский ежегодник '98. М., 2000. С. 301–329.

Мотрошилова Н.В. (2003). *«Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию*. М., 2003.

Риккерт Г. (1997). *Границы естественнонаучного образования понятий: Логическое введение в исторические науки*. СПб., 1997.